

УДК 316.34

Участие российской молодежи в образовании взрослых: роль настойчивости и образовательного статуса

Наталья Н. Кармаева¹, Дарья В. Вологина²

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

E-mail: nkarmaeva@hse.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3963-1067>

² *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

E-mail: daryavologin@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-9021-2116>

DOI: 10.26907/esd.19.4.14

EDN: PXSIRR

Дата поступления: 29 апреля 2024; Дата принятия в печать: 4 декабря 2024

Аннотация

Несмотря на открывающиеся для молодых специалистов возможности в образовании взрослых (ОВ), не все используют эти возможности в равной мере. Цель статьи – проанализировать, как настойчивость, а также образовательный статус индивида и родителей связаны с его участием в неформальном и информальном ОВ. В работе проверяется, способствует ли настойчивость участию молодежи, уже имеющей образовательные преимущества, в образовании взрослых. Исследование стремится внести вклад в дискуссию о воспроизводстве социальной структуры через накопление человеческого капитала. Исследование реализовано на данных лонгитюдного исследования Траектории в образовании и профессии (ТРОП) с использованием регрессионного анализа. Подтверждены гипотезы о том, что настойчивость (GRIT), которую измеряли в 14 лет, положительно связана с решением респондента обучаться и получать образование, связанное с работой, а также о том, что наличие у матери респондента высшего образования способствует участию респондента в ОВ, не связанном с трудовой деятельностью. Частично подтвердилось предположение о роли настойчивости в процессах накопления образовательных преимуществ: высокий уровень настойчивости усиливает положительный эффект от наличия у матери высшего образования в случае участия респондента в информальном образовании, связанном с работой. Полученные результаты можно использовать при разработке мероприятий, цель которых – вовлечение молодежи в процесс непрерывного образования.

Ключевые слова: образование взрослых, непрерывное образование, настойчивость (GRIT), молодежь, образовательный статус, образовательное неравенство.

Participation of Russian Youth in Adult Education and Learning: The Role of Perseverance (GRIT) and Educational Status

Natalia Karmaeva¹, Daria Vologina²

¹ HSE University, Moscow, Russia

E-mail: nkarmaeva@hse.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3963-1067>

² HSE University, Moscow, Russia

E-mail: daryavologin@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-9021-2116>

DOI: 10.26907/esd.19.4.14

EDN: PXSIRR

Submitted: 29 April 2024; Accepted: 4 December 2024

Abstract

Despite the expanding opportunities in adult education and learning (ALE) for young people, not all individuals take advantage of them. The paper aims to analyze the relationship between the educational status of young people and their parents, their perseverance (GRIT), with their participation in informal and informal ALE. We analyze whether perseverance enhances participation in ALE among young people with educational advantages. The study tends to contribute to the wider discussion on the reproduction of social structure through human capital accumulation. We analyze the data provided by the longitudinal study “Trajectories in education and profession (TROP)” using regression analysis. We found a positive relationship between an individual's level of education and perseverance (measured at the age of 14) and participation in job-relevant ALE in adulthood (23-25 years old), and a positive relationship between mothers' higher education and participation in ALE, not relevant to the job. The hypotheses about the significant role of perseverance in further accumulation of educational advantages is partially confirmed: perseverance enhances the positive effect of higher mother's education, in participation in work-related informal learning. The results can be used in the development of activities aimed at increasing the involvement of young people in ALE.

Keywords: adult education and learning, non-formal education, informal learning, perseverance (GRIT), youth, educational advantages, educational inequality.

Введение

Возможности в сфере неформального и информального образования позволяют молодежи получить знания, навыки и квалификации и тем самым сформировать человеческий капитал, который соответствуют современным требованиям. Однако не все используют эти возможности в равной мере. Участие молодежи в образовании взрослых (ОВ) обусловлено социальными, культурными и экономическими факторами (Shkaratan & Yastrebov, 2010). Социальные группы с наибольшим объемом преимуществ можно выделять по признаку происхождения (профессия родителей, образование родителей или семейный доход), а также образовательного или профессионального статуса (Bessudnov & Malik, 2016). В данной статье мы фокусируемся на образовательных преимуществах: различиях в объеме навыков, знаний и других ресурсов, которые обусловлены образовательным статусом. Накопление преимуществ – это кумулятивный процесс: «образовательные преимущества, приобретенные ранее, способствуют накоплению еще больших образовательных преимуществ в будущем» (Kulich et al., 2016, p. 33). Выходцы из высокообразованных семей

чаще получают высшее образование и развивают свои навыки через участие в дополнительном образовании (Bessudnov & Malik, 2016). Остается малоизученной сравнительная роль личностных качеств самих обучающихся, например их настойчивости (Cronin-Golomb & Bauer, 2023; Kajonius & Carlander, 2017), и объективных факторов социального положения семей (образовательного статуса) в процессах передачи и накопления человеческого капитала (Popov et al., 2010).

Молодежь как социально-демографическая группа имеет ряд важных особенностей, которые необходимо учитывать. Молодежи свойственно стремление к расширению кругозора и построению уникальных образовательных траекторий (Selezneva & Porova, 2018, p. 97), снижение интереса к высшему образованию (Maltseva et al., 2022;). В фокусе нашего исследования – наиболее востребованные формы образования взрослых среди молодежи: неформальное и информальное образование (Bondarenko et al., 2022; Zhelyazkova-Teya, 2020;). ЮНЕСКО определяет неформальное образование как «образование, которое институционализировано, целенаправленно и спланировано лицом или организацией, обеспечивающей предоставление образовательных услуг» (UNESCO, 2012). Неформальное образование охватывает различные программы, направленные на развитие общих и профессиональных навыков, а также на культурное развитие. Информальное образование (самообразование) характеризует «формы обучения, которые являются целенаправленными или тщательно спланированными, но не институционализированными» (UNESCO, 2012). Оно менее структурировано по сравнению с формальным или неформальным образованием и может включать в себя обучение в семье, на рабочем месте или в местном сообществе (см. обзор: Zhelyazkova-Teya, 2020)¹.

В исследованиях ОБ преобладает анализ образовательных траекторий и мотивации к обучению на протяжении всей жизни, кейсов обучения и факторов, формирующих отношение к неформальному и информальному образованию (Thwe & Kálmán, 2024). Неформальное и информальное образование молодежи является востребованным способом освоения и совершенствования знаний и навыков, инструментом адаптации к рабочему процессу (Sato & Ryan, 2024). Российские исследования в основном посвящены вопросам распространения дополнительных форм образования и их эффективности (Bessonova, 2023). Однако их срезовой характер затрудняет анализ ОБ в контексте воспроизводства образовательных преимуществ (Karmaeva & Kosyakova, 2022). Кроме того, многие исследования рассматривают экономически активное население в целом, оставляя участие молодежи в ОБ без должного внимания (Travkin & Sharunina, 2016).

Исследователи подчеркивают необходимость рассматривать типы ОБ отдельно, поскольку они по-разному участвуют в накоплении преимуществ (Lee & Desjardins, 2019). Неформальное образование взрослых часто организует работодатель, вероятность участия в нем во многом зависит от характеристик рабочего места и уровня квалификации работника (Travkin & Sharunina, 2016). Обучение, не связанное с работой, сопряжено с временными и финансовыми затратами (чтение книг, посещение лекций и мастер-классов и др.), поэтому доступно молодежи с высоким уровнем экономического и культурного капиталов – в первую очередь обеспеченным молодым людям (Zhelyazkova-Teya, 2020). Информальное образование интересно в первую очередь людям с высоким уровнем самоконтроля и настойчивости, которые могут самостоятельно инициировать и направлять обучение (Cronin-Golomb & Bauer, 2023). Информальное образование остается наименее из-

¹ Эта типология в целом соответствует «дополнительному образованию» и «самообразованию» (Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». М.: Изд-во «Омега-Л», 2013), но мы далее подчеркиваем наличие связи ОБ с работой для каждого типа.

ученным, поскольку сложно отследить участие и отдачу от этого типа образования (Bessonova, 2023). Наше исследование, выполненное с использованием лонгитюдных данных, призвано восполнить существующие лакуны в понимании факторов участия российской молодежи в разных типах ОБ.

Образовательный статус характеризует объем социокультурных ресурсов семьи и индивида, в широком смысле он связан с культурным капиталом – установками на продолжение обучения, которые формируются в процессе социализации в семье и в системе образования (Shkaratan & Yastrebov, 2010). Настойчивость (GRIT) – личностная черта, которая характеризует умение индивида преодолевать трудности и достигать долгосрочных целей (Duckworth et al., 2007; Tyumeneva et al., 2019). Настойчивость характеризует упорство, проявляемое в задачах, выполнение которых занимает много времени (Duckworth et al., 2007). По мнению Альмейды с соавторами, настойчивость объединяет в себе черты человеческого (востребованных навыков) и культурного капиталов (т. е. поведения или отношения) (Almeida et al., 2021).

Цель этой работы – проанализировать, как настойчивость, а также образовательный статус индивида и родителей связаны с участием в неформальном и информальном ОБ. Исследование стремится выяснить, способствует ли настойчивость участию в образовании взрослых молодежи с образовательными преимуществами. Согласно теории накопления преимуществ, настойчивость способствует дальнейшему накоплению образовательных преимуществ у выходцев из высокообразованных семей, которые сами имеют высшее образование. Статья стремится внести вклад в дискуссию о воспроизводстве социальной структуры через накопление образовательного капитала (Shkaratan & Yastrebov, 2010, p. 7). В работе использованы данные исследования НИУ ВШЭ «Траектории в образовании и профессии»², которые, благодаря лонгитюдному дизайну, позволяют лучше понять предпосылки участия российской молодежи в неформальном и информальном ОБ. Используются данные о настойчивости индивида и характеристиках семьи, полученные на момент, когда респондентам было 14 лет, и данные об участии в ОБ в возрасте 24–25 лет.

Настойчивость и накопление образовательных преимуществ

Первая точка зрения на вклад настойчивости в накопление образовательных преимуществ соответствует представлению о роли образования взрослых как «социального лифта». Так, благодаря ОБ любой, вне зависимости от социального происхождения, может повысить свой уровень образования, приобрести и усовершенствовать необходимые для работы знания и навыки и, как результат, устроиться на более оплачиваемую и престижную работу (Bukodi et al., 2019). Положительные социальные и экономические результаты участия в ОБ выявляют как зарубежные (Lee & Desjardins, 2019), так и российские исследования (Karmaeva & Kosyakova, 2022). Люди с низким социальным статусом могут воспринимать образование взрослых как способ изменения своего положения и, возможно, даже повышения своего статуса на рынке труда (Kosyakova & Gerber, 2019). ОБ может стать частью компенсаторной стратегии для выходцев из семей в том числе с низким уровнем образования родителей и/или с недостаточными финансовыми ресурсами (Bukodi et al., 2019). Они будут стремиться с помощью ОБ восполнить недостаток знаний, навыков, квалификаций, которые по различным причинам не смогли получить на предыдущих этапах образовательной траектории.

² См.: <https://trec.hse.ru/>

Настойчивость помогает индивидам, вне зависимости от их социально-экономического происхождения и уровня образования, добиваться успехов в учебе и в жизни (Kajonius & Carlander, 2017). Так, была обнаружена положительная связь между настойчивостью и академической успеваемостью у учащихся с низким социально-экономическим происхождением (Almeida et al., 2021). Возможным объяснением этого является способность настойчивых индивидов справляться с задачами в условиях образовательной среды с высокими требованиями (Almeida et al., 2021). Индивиды, обладающие настойчивостью, лучше справляются с любыми жизненными сложностями (Kajonius & Carlander, 2017), охотно продолжают обучение в системе дополнительного образования после окончания вуза (Kajonius & Carlander, 2017). Основная причина этого кроется в их стремлении к расширению горизонтов и готовности инвестировать в образование (Weisskirch, 2016). Настойчивые работники лучше адаптируются на рабочем месте благодаря активному поиску ресурсов для выполнения сложных рабочих задач (Jordan et al., 2019) и ориентируются на достижение компетентности путем приобретения новых полезных навыков (Duckworth et al., 2007). Поэтому для настойчивых людей обучение во взрослом возрасте может стать «вторым шансом» в достижении желаемого успеха.

Вторая точка зрения рассматривает образование во взрослом возрасте как фактор воспроизводства социального неравенства (Kosyakova & Gerber, 2019; Lee & Desjardins, 2019). Так, молодые люди, чьи родители имеют высокий уровень образования, даже при одинаковой успеваемости в школе чаще выбирают академическую траекторию – обучение в старшей школе и поступление в вуз. Именно академическая траектория и получение высшего образования обеспечивают более надежный карьерный рост (Bukodi et al., 2019). Кроме того, родители с высшим образованием часто стремятся передать ценность образования своим детям, поэтому выходцы из таких семей продолжают обучаться во взрослом возрасте (Lee & Desjardins, 2019). Индивиды, чьи родители имеют высшее образование, во взрослом возрасте чаще получают высшее образование сразу после школы и участвуют в неформальном образовании, организованном работодателем, в то время как дети из менее образованных семей часто получают высшее образование в более старшем возрасте и могут реже иметь возможность посещать такие курсы. Полученное образование может стать основой для дальнейшего развития и приобретения новых знаний и навыков на краткосрочных курсах и тренингах. С течением времени разрыв между выходцами из семей с разным объемом образовательных преимуществ только увеличивается.

Настойчивость будет способствовать дальнейшему накоплению образовательных преимуществ. Факторы семьи, системы образования и личностные характеристики (настойчивость) индивида будут усиливать друг друга: во взрослом возрасте настойчивый человек, имеющий высшее образование, самостоятельно осваивает востребованные навыки и получает от них максимальную отдачу (Heiskala et al., 2021; Kulich et al., 2016;). Кwon объясняет это тем, что люди частично преобразуют свои структурные преимущества в настойчивость за счет более выраженной воспринимаемой возможности контролировать свою жизнь (Kwon, 2021).

Можно предположить, что существует значимая положительная связь между настойчивостью индивида и участием в ОБ (гипотеза 1); наличием у матери высшего образования и участием индивида в ОБ (гипотеза 2); высоким уровнем образования индивида и его участием в ОБ (гипотеза 3). Кроме того, более настойчивые индивиды, у которых есть высшее образование либо мать с высшим образованием, имеют больше шансов принять участие в ОБ по сравнению с настойчивыми индивидами без этих характеристик (гипотезы 4-5).

Особенности участия российской молодежи в ОБ

В России молодежью считается социально-демографическая группа в возрасте от 14 до 35 лет³. Особенностью молодежи является ее быстрая адаптация к новым условиям: она наследует социальные конструкты реальности и пересматривает их значение (Zubok & Chuprov, 2017). Характерной чертой российской молодежи является понимание ею необходимости прохождения дополнительного обучения: по данным ВЦИОМ, в 2019 г. так ответили 83 % опрошенных 18–24-летних и 81 % 25–34-летних⁴. Другой опрос 2020 года показал, что из принявших участие в опросе 55,4 % молодых людей в возрасте 25–29 лет выразили намерение участвовать в непрерывном образовании по профессиональным интересам, и 44,6 % – по личным интересам (Bondarenko et al., 2022).

Возможная причина интереса к ОБ заключается в том, что образование, полученное в рамках формальных структур, не всегда отвечает ожиданиям молодежи (Gabdullina, 2012) и другие формы обучения и образования становятся предпочтительнее. Об этом свидетельствуют результаты опроса Попова и Стрельниковой (2017). Они показали, что у респондентов с разным уровнем образования результаты тестов на грамотность различаются незначительно. Это говорит о том, что уровень компетенций россиян не зависит напрямую от уровня их образования. Другим возможным объяснением может быть рост готовности молодых людей работать не по специальности. Молодежь ориентируется на раннюю специализацию через получение практического опыта (трудоустройство) (Maltseva et al., 2022) и через обучение на разнообразных курсах, в том числе онлайн (Narkhov et al., 2021). Популярны практики неформального образования (курсы повышения квалификации и др.) для получения новых знаний и «достижения более высоких результатов работы» (Bondarenko et al., 2022). В рамках неформального образования востребованы «короткие видеоролики на YouTube, неформальные образовательные площадки и проекты, мастер-классы, открытые лекции успешных предпринимателей» (Kicherova & Efimova, 2020, p. 324). Участие в неформальном и неформальном образовании важно для профессионального и личностного развития. Дополнительное образование позволяет молодежи компенсировать вызовы неустойчивой занятости (Kicherova & Efimova, 2020). Нужные для своей профессиональной деятельности навыки молодые люди приобретают через другие формы образования: неформального и неформального. При этом выходцы из семей с низким социально-профессиональным статусом в целом предпочитают менее рискованные и затратные стратегии — получение дополнительной квалификации в рамках уже имеющейся или смежной специализации (Kosyakova & Gerber, 2019).

Методология

В анализе использованы данные национальной панели лонгитюдного исследования НИУ ВШЭ «Траектории в образовании и профессии» (ТРОП), а также TIMSS и PISA. Респонденты опрашивались с 2011 по 2021 гг. Из 1-й волны (2011 г.) использованы переменные пола индивида (1 – женский; 0 – мужской), образования матери (1 – есть высшее образование (ВО); 0 – нет ВО), дохода на одного члена семьи в месяц: доход семьи меньше 20 тыс. руб. (1 – да, 0 – нет), количества книг дома (до 100 (референтная категория); от 100 до 500; более 500), численности жителей населенного пункта (0 – до 500 тыс. жителей; 1 – 500 и более тыс. жителей).

³ См.: Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Kremlin.ru // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328/page/1>, дата обращения 17.05.2024.

⁴ См. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zapros-na-obrazovanie-1>

В первой волне измерена настойчивость индивида. Настойчивость представляет собой конструкт, разработанный Дакворс и др., апробированный в России в других исследованиях (Tyumeneva et al. 2019). Он служит российским аналогом конструкта GRIT, разработанного А. Дакворс. Респондентам предлагалось оценить степень согласия с 8 утверждениями (например, «Как правило, я старательно выполняю все, чем мне приходится заниматься», «Как правило, я ставлю какую-то цель, но потом меняю ее на какую-то другую») по шкале от 1 (полностью не согласен) до 5 (полностью согласен). В анализе настойчивость рассматривается как относительно устойчивая личностная характеристика (Luo et al., 2020). Конфирматорный факторный анализ выявил двухфакторную структуру настойчивости: «настойчивость в достижении целей» и «устойчивость интересов», что соответствует предыдущему анализу данных ТРОП (Tyumeneva et al., 2019). Когнитивные способности индивида представлены средним баллом по математике (TIMMS). Балл по математике и конструкт настойчивости стандартизированы: стандартное отклонение равно 1, среднее значение – 0.

Из 9-й волны исследования (2020 г.) использованы данные об уровне образования, семейном положении и работе: образование индивида (ВО) (1 – есть, 0 – нет), занятость (1 – работает, 2 – не работает (референтная категория), 3 – временно неактивен); тип организации (1 – бюджетные государственные организации; 2 – частные компании (референтная категория); 3 – другое); количество сотрудников в организации (1 – менее 100 сотрудников; 2 – от 100 до 500 сотрудников; 3 – более 500 сотрудников (референтная категория)); сектор занятости (1 – промышленность; 2 – сфера услуг (референтная категория); 3 – другое); тип занятости (0 – неполная занятость, соответствующая менее 40 рабочим часам в неделю; 1 – полная занятость – 40 и более рабочих часов в неделю); наличие подчиненных (1 – есть, 0 – нет). Для переменных, характеризующих занятость, были созданы фиктивные переменные «неизвестно», принимающие значение 1 для неработающих респондентов. Заработная плата представлена в анализе в виде логарифма. Также использованы бинарные переменные «семейный статус» (1 – состоит в отношениях), «наличие детей» (1 – есть).

Для кодирования зависимых переменных, характеризующих участие в ОБ, были использованы ответы на вопрос об участии в образовании взрослых за последние 12 месяцев из 10 волны, чтобы отследить взаимосвязь предикторов с участием индивида в ОБ с интервалом в один год. Переменные преобразованы в бинарные категориальные переменные «неформальное образование, связанное/не связанное с работой» (характеризует участие в курсах повышения квалификации, программах переподготовки, курсах иностранных языков, в том числе онлайн); «информальное обучение, связанное/не связанное с работой» (включает самостоятельное чтение литературы, посещение мастер-классов, экскурсий, лекций, просмотр обучающих видеороликов, прослушивание подкастов/аудиокниг, самостоятельное получение навыков/знаний и др.), принимающие значение 1 – «участвовал/а», 0 – «не участвовал/а». Категории соответствуют предыдущим исследованиям (Karmaeva & Kosyakova, 2022; Zhelyazkova-Teya, 2020).

Итоговая выборка составила 2311 респондентов из 42 субъектов РФ, 1042 из которых – женщины. На момент опроса, когда респондентам было 14–15 лет (1-я волна), в населённых пунктах с численностью населения более 500 тысяч человек проживало 603 человека; 872 респондента жили в домохозяйствах с доходом на одного члена семьи до 20 тысяч рублей в месяц; у 1446 респондентов было до 100 книг дома, у 622 – от 100 до 500, у 166 – более 500 книг; 1148 респондентов сообщили, что их матери имеют высшее образование. Около 20 % респондентов

участвовали в неформальном и 75 % в информальном образовании в течение последнего года (9-я волна, 2020 г.); из них более половины составляют респонденты с высшим образованием и те, чьи матери имеют высшее образование (см. Приложение). На момент 24–25 лет (10-я волна, 2021 г.) 1237 имели высшее образование, 1417 состояли в отношениях, а у 388 были дети. При этом 1900 респондентов были занятыми, 1510 – на условиях полной занятости, 369 имели подчиненных, средняя заработная плата составила 37400 рублей.

В анализе использовался метод логистической регрессии. В 4 регрессионные модели были последовательно добавлены характеристики индивида и семьи, а также интеракции переменных образования матери/индивида и конструктора настойчивости. Дополнительный анализ на выборке из работающих респондентов продемонстрировал устойчивость полученных результатов.

Результаты

Результаты анализа представлены в Таблицах 1 и 2. Настойчивость в достижении целей (далее – настойчивость) повышает шансы молодых людей принять участие в образовании и обучении, связанном с работой. Настойчивость сохраняет значимость при контроле социально-демографических показателей, показателей занятости, среднего балла TIMMS по математике, а также при добавлении интеракций (кроме неформального образования, связанного с работой, с учетом интеракции образования матери и настойчивости в достижении целей). Переменная настойчивости также значима для неформального образования, не связанного с работой, до контроля социально-демографических и других характеристик.

Таблица 1. Участие в неформальном образовании, связанном и не связанном с работой¹

	Связано с работой				Не связано с работой			
	1	2	3	4	1	2	3	4
Константа	0.151*** (0.015)	0.006*** (0.008)	0.006*** (0.008)	0.006*** (0.008)	0.093*** (0.010)	0.01*** (0.014)	0.01*** (0.014)	0.01*** (0.014)
Социально-демографические и семейные характеристики	+	+	+	+	+	+	+	+
Характеристики занятости		+	+	+		+	+	+
Настойчивость в достижении целей	1.180*** (0.068)	1.122* (0.068)	1.173* (0.113)	1.107 (0.096)	1.115* (0.065)	1.023 (0.064)	1.093 (0.102)	1.070 (0.112)
Устойчивость интересов	1.036 (0.060)	1.039 (0.062)	1.021 (0.102)	1.069 (0.096)	1.012 (0.06)	1.047 (0.065)	1.051 (0.101)	1.004 (0.106)
Образование матери (ВО)	1.380*** (0.151)	1.184 (0.140)	1.179 (0.139)	1.183 (0.141)	1.839*** (0.214)	1.369** (0.176)	1.390** (0.180)	1.363** (0.175)
Образование индивида (ВО)	1.597*** (0.179)	1.216 (0.153)	1.222 (0.153)	1.218 (0.153)	2.235*** (0.272)	1.302* (0.179)	1.298* (0.178)	1.305* (0.179)
Образование матери (ВО)*настойчивость интересов				0.947 (0.116)				1.068 (0.139)
Образование матери (ВО)*настойчивость в достижении целей				1.031 (0.123)				0.933 (0.122)

	Связано с работой				Не связано с работой			
	1	2	3	4	1	2	3	4
Образование индивида (ВО)*устойчивость интересов			1.033				1.000	
			(0.131)				(0.126)	
Образование индивида (ВО)*настойчивость в достижении целей			0.927				0.893	
			(0.115)				(0.111)	

Таблица 2. Участие в информальном образовании, связанным и несвязанным с работой'

	Связано с работой				Не связано с работой			
	1	2	3	4	1	2	3	4
Константа	1.010	0.160	0.149	0.153	1.513***	1.328	1.268	1.317
	(0.0727)	(0.199)	(0.185)	(0.190)	(0.113)	(1.644)	(1.571)	(1.628)
Социально-демографические и семейные характеристики	+	+	+	+	+	+	+	+
Характеристики занятости		+	+	+		+	+	+
Настойчивость в достижении целей	1.273***	1.269***	1.226***	1.151**	1.090	1.065	1.049	1.014
	(0.064)	(0.066)	(0.088)	(0.078)	(0.060)	(0.062)	(0.078)	(0.077)
Устойчивость интересов	0.965	0.952	0.908	.970	1.040	1.055	1.010	1.115
	(0.046)	(0.048)	(0.062)	(0.066)	(0.055)	(0.060)	(0.073)	(0.083)
Образование матери (ВО)	1.268**	1.069	1.071	1.075	1.488***	1.293**	1.293**	1.296**
	(0.117)	(0.110)	(0.111)	(0.111)	(0.154)	(0.150)	(0.150)	(0.150)
Образование индивида (ВО)	2.597***	1.859***	1.864***	1.876***	3.199***	1.717***	1.721***	1.731***
	(0.240)	(0.197)	(0.198)	(0.199)	(0.338)	(0.205)	(0.205)	(0.206)
Образование матери (ВО)*устойчивость интересов				0.938				0.862
				(0.096)				(0.102)
Образование матери (ВО)*настойчивость в достижении целей				1.255**				1.149
				(0.133)				(0.136)
Образование индивида (ВО)*устойчивость интересов			1.107				1.121	
			(0.114)				(0.133)	
Образование индивида (ВО)*настойчивость в достижении целей			1.067				1.030	
			(0.112)				(0.121)	

'N=2311. Статистическая значимость: * p < 0.05, ** p < 0.01, *** p < 0.001

" см. Приложение

Первая гипотеза о наличии значимой положительной связи между настойчивостью и участием в ОБ подтвердилась для типов ОБ, связанных с работой и для компонента «настойчивость в достижении целей». Полученные результаты для компонента «устойчивость интересов» говорят о том, что стабильность интересов человека в целом не связана с его образовательной активностью.

Наличие высшего образования у респондента и его матери повышает шансы принять участие в ОБ, не связанном с работой. Однако образование матери теряет значимость в анализе неформального образования, связанного с работой, при контроле социально-демографических и других характеристик. Возможным объяснением этого является то, что решение об участии в программах повышения квалификации зачастую принимает работодатель, который предпочитает обучать наиболее квалифицированных сотрудников, занятых полную рабочую неделю и т. д. (Travkin & Sharunina, 2016). Полученные результаты демонстрируют значимость образовательного статуса родителей даже во взрослом возрасте. Результаты указывают также на то, что молодежь с высшим образованием с большей вероятностью будет самостоятельно приобретать знания вне зависимости от того, имеют эти знания отношение к работе или нет. **Вторая гипотеза** о наличии положительной связи между образованием матери индивида и его участием в ОБ подтверждается для всех форм ОБ, не связанного с работой. **Третья гипотеза** о наличии положительной связи между образованием индивида и его участием в ОБ подтверждается для всех форм ОБ, кроме неформального образования, связанного с работой.

Коэффициенты взаимодействия переменных настойчивости и образования матери/индивида значимы только для неформального обучения, связанного с работой. Результаты анализа опровергают **четвертую гипотезу** о том, что настойчивые индивиды с высшим образованием имеют больше шансов принять участие в образовании и обучении взрослых. Другими словами, дополнительный эффект от взаимодействия этих переменных в целом отсутствует. Схожая гипотеза в отношении образования матери (**пятая гипотеза**) частично подтверждается. В случае неформального образования, связанного с работой, можно говорить о дальнейшем «накоплении» образовательных преимуществ благодаря личной настойчивости. Это означает, что настойчивые выходцы из высокообразованных семей будут продолжать накапливать образовательный капитал во взрослом возрасте, участвуя в неформальном образовании (например, осваивая навыки под руководством коллег, самостоятельно изучая справочные материалы, связанные с работой, в Интернете и пр.).

Дискуссионные вопросы

В контексте существующей научной дискуссии наше исследование еще раз показывает, что настойчивость, в частности настойчивость в достижении целей, можно считать важным личностным ресурсом молодого поколения. Как было выявлено ранее, настойчивость – индивидуальная характеристика, повышающая эффективность адаптационных процессов совладания с трудностями (Popov et al., 2010). Авторы исследований ОБ подчеркивают, что «преуспевающие» и «менее успешные» группы населения значительно различаются по своему ресурсному потенциалу: в разрезе уровня образования и культурного капитала индивидов (Kosyakova, 2019), культурного и экономического капитала родителей. Это утверждение можно считать в целом справедливым и для 24–25-летних респондентов, которые приняли участие в нашем исследовании. Интересно, что такие личностные характеристики, как настойчивость, участвуют в процессах накопления преимуществ обособленно, другими словами, не усиливают эффект от «выигрышного» бэкграунда, за исключе-

нием неформального образования, связанного с работой. В дальнейшем мы также планируем изучить, какую пользу приносит участие в ОБ молодым людям с разным уровнем образования и настойчивости, учитывая их происхождение.

К ограничениям исследования можно отнести необходимость учитывать обстановку на рынке труда, сложившуюся в условиях пандемии COVID-19. Эта ситуация повлияла на рынок труда и на образовательное поведение молодых людей, что может привести к смещению ответов в нашей выборке. Поэтому необходимо проверить данные исследовательские вопросы на других или последующих выборках.

Заключение

В работе сопоставлены факторы образовательных характеристик семьи, индивида и личной настойчивости в накоплении образовательных преимуществ у российской молодежи. В целом, более настойчивые индивиды и те, чьи родители (матери) имеют высшее образование, с большей вероятностью примут участие в ОБ во взрослом возрасте. Кроме того, наличие высшего образования у матери индивида и у него самого положительно и значимо связано с его участием в ОБ. Это говорит о значимой роли семьи с ее образовательными и культурными ресурсами «в воспроизводстве человеческого капитала новых поколений социально-продвинутых индивидов» в России (Shkaratan & Yastrebov, 2010, p. 5).

Результаты исследования демонстрируют, что настойчивость обеспечивает преимущества в дальнейшей образовательной карьере. Полученные результаты можно учитывать при разработке мероприятий, цель которых – способствовать вовлечению молодежи в непрерывное образование. Обучающиеся, обладающие недостаточным объемом ресурсов, в частности образовательных, нуждаются в дополнительной поддержке при выборе образовательных ресурсов и в ходе обучения. Поскольку предыдущие исследования выявили связь настойчивости с восприятием возможности контролировать свою жизнь, важным может оказаться информационно-консультационная поддержка в выборе образовательных программ. Однако оценка целесообразности подобных мер требует дополнительного анализа и обоснования.

Финансирование

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Funding

The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

Список литературы

- Бессонова, М. О. Дополнительное образование молодежи через призму развития нового социального института // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2023. – № 4 (853). – С. 114–121.
- Бессуднов, А. Р., Малик, В. М. Социально-экономическое и гендерное неравенство при выборе образовательной траектории после окончания 9-го класса средней школы // Вопросы образования. – 2016. – № 1. – С. 135–167. – DOI:10.17323/1814-9545-2016-1-135-167
- Бондаренко, Н. В., Гохберг, Л. М., Зорина, О. А., Кузнецова, В. И., Кузьмичева, Л. Б., Озерова, О. К., Саутина, Е. В., Сутырина, Т. А., Шкалева, Е. В., Шугаль, Н. Б. Индикаторы образования: 2022: статистический сборник. – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2022. – DOI: 10.17323/978-5-7598-2598-2

- Габдуллина, Э. Н. Профессиональные ценности и ориентации молодежи в системе непрерывного образования (на материалах социологических исследований энергетической отрасли Республики Татарстан) // Вестник Вятского государственного университета. – 2012. – № 4 (4). – С. 95–99.
- Желязкова-Тей, Т. К. Что говорят индикаторы неформального образования о его роли для взрослых в новом веке // Высшее образование сегодня. – 2020. – № 8. – С. 47–51.
- Зубок, Ю. А., Чупров, В. И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся. – 2017. – № 15. – С. 12–48.
- Кичерова, М. Н., Ефимова, Г. З. Влияние неформального образования на человеческий капитал: поколенческий подход // Интеграция образования. – 2020. – Т. 24. – № 2 (99). – С. 316–338.
- Кулич, Н., Скопек, Я., Тривенти, М., Дэмрих, Й., Блосфельд, Х.-П. Слишком высокие ожидания? Результаты международного мультидисциплинарного исследования роли раннего воспитания и образования в социальном неравенстве // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2016. – Т. 19. – № 5 (88). – С. 15–38.
- Мальцева, В. А., Сальникова, И. Е., Шабалин, А. И. Вместо университета — в колледж: что приводит успевающих одиннадцатиклассников в СПО? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 3. – С. 34–66. – DOI:10.14515/monitoring.2022.3.2090
- Нархов, Д. Ю., Нархова, Е. Н., Шкурин, Д. В. Динамика образовательной активности студенчества под воздействием цифровизации // Образование и наука. – 2021. – Т. 23. – № 8. – С. 147–188. – DOI:10.17853/1994-5639-2021-8-147-188
- Попов, Д. С., Тюменева, Ю. А., Кузьмина, Ю. В. Индивидуально-психологические предикторы в лонгитюдных исследованиях образовательных и профессиональных карьер // Вопросы образования. – 2010. – № 4. – С. 30–54. – DOI:10.17323/1814-9545-2010-4-30-53
- Селезнева, А. В., Попова, С. Ю. Социальная активность молодежи: состояние проблемы и перспективы развития // Образование личности. – 2018. – № 2. – С. 96–103.
- Шкаратан, О. И., Ястребов, Г. А. Социокультурная преемственность в российской семье (опыт эмпирического исследования) // Общественные науки и современность. – 2010. – № 1. – С. 5–27.
- Almeida, D. J., Byrne, A. M., Smith, R. M., Ruiz, S. How Relevant Is Grit? The Importance of Social Capital in First-Generation College Students' Academic Success // Journal of College Student Retention: Research, Theory & Practice. – 2021. – Vol. 23. – No. 3. – Pp. 539–559. – DOI:10.1177/1521025119854688
- Bukodi, E., Bourne, M., Bethäuser, B. Cognitive Ability, Lifelong Learning, and Social Mobility in Britain: Do Further Qualifications Provide Second Chances for Bright People from Disadvantaged Backgrounds? // European Sociological Review. – 2019. – Vol. 35. – No. 1. – С. 49–64. – DOI:10.1093/esr/jcy047
- Cronin-Golomb, L. M., Bauer, P. J. Self-motivated and directed learning across the lifespan // Acta Psychologica. – 2023. – Vol. 232 (103816). – DOI:10.1016/j.actpsy.2022.103816
- Duckworth, A. L., Peterson, C., Matthews, M. D., Kelly, D. R. Grit: perseverance and passion for long-term goals // Journal of Personality and Social Psychology. – 2007. – Vol. 92. – No. 6. – Pp. 1087–1101. – DOI:10.1037/0022-3514.92.6.1087
- Heiskala, L., Erola, J., Kilpi-Jakonen, E. Compensatory and multiplicative advantages: Social origin, school performance, and stratified higher education enrolment in Finland // European Sociological Review. – 2021. – Vol. 37. – No. 2. – Pp. 171–185. – DOI:10.1093/esr/jcaa046
- Jordan, S. L., Ferris, G. R., Hochwarter, W. A., Wright, T. A. Toward a Work Motivation Conceptualization of Grit in Organizations // Group & Organization Management. – 2019. – Vol. 44. – No. 2. – Pp. 320–360. – DOI:10.1177/1059601119834093
- Kajonius, P. J., Carlander, A. Who gets ahead in life? Personality traits and childhood background in economic success // Journal of Economic Psychology. – 2017. – Vol. 59. – Pp. 164–170. – DOI:10.1016/j.joep.2017.03.004
- Karmaeva, N. N., Kosyakova, Y. Perpetuating Inequality through Participation in Adult Learning and Education in Russia // International Journal of Lifelong Education. – 2022. – Vol. 41. – No. 4-5. – Pp. 513–532.

- Kosyakova, Y., Gerber, T. P. Adult Education, Stratification, and Regime Change: Upgrading and Sidestepping in Russia, 1965–2005 // *Sociology of Education*. – 2019. – Vol. 92. – No. 2. – Pp. 124–149. – DOI:10.1177/0038040718823192
- Kwon, H. W. What Can Sociology Say About Grit? A Cross-Cultural Exploration of the Relationships between Socioeconomic Status, Sense of Control, and Grit // *Socius*. – 2021. – Vol. 7. – Pp. 1–12. – DOI:10.1177/23780231211005216
- Lee, J., Desjardins, R. Inequality in Adult Learning and Education Participation: The Effects of Social Origins and Social Inequality // *International Journal of Lifelong Education*. – 2019. – Vol. 38. – No. 3. – Pp. 339–359.
- Luo, J., Wang, M.-C., Ge, Y., Chen, W., Xu, S. Longitudinal Invariance Analysis of the Short Grit Scale in Chinese Young Adults // *Frontiers in Psychology*. – 2020. – Vol. 11. – DOI:10.3389/fpsyg.2020.00466
- Sato, Y., Ryan, Y. Career Preparation Through Part-Time Jobs? Study on Informal Learning of International Students of Professional Training Colleges in Japan / Ed. by Pilz, M. // *Informal Learning in Vocational Education and Training. Internationale Berufsbildungsforschung*. – Springer VS, Wiesbaden, 2024. – Pp. 165–180. – DOI:10.1007/978-3-658-44341-2_8
- Thwe, W. P., Kálmán, A. Lifelong Learning in the Educational Setting: A Systematic Literature Review // *Asia-Pacific Education Researcher*. – 2024. – Vol. 33. – Pp. 407–417. – DOI: 10.1007/s40299-023-00738-w.
- Travkin, P., Sharunina, A. The returns to training in Russia: A difference-in-differences analysis // *International Journal of Training and Development*. – 2016. – Vol. 20. – No. 4. – Pp. 262–279. – DOI:10.1111/ijtd.12088
- Tyumeneva, Y., Kardanova, E., Kuzmina, J. Grit: Two Related but Independent Constructs Instead of One. Evidence From Item Response Theory // *European Journal of Psychological Assessment*. – 2019. – Vol. 35. – No. 4. – Pp. 469–478.
- UNESCO. International Standard Classification of Education (ISCED-2011). – UNESCO Institute for Statistics, 2012. – URL: <http://www.uis.unesco.org/Education/Documents/isced-2011-en.pdf>.
- Weisskirch, R. S. Grit, Self-Esteem, Learning Strategies and Attitudes and Estimated and Achieved Course Grades among College Students // *Current Psychology*. – 2016. – Vol. 37. – Pp. 21–27. – DOI:10.1007/s12144-016-9485-4

References

- Almeida, D. J., Byrne, A. M., Smith, R. M., & Ruiz, S. (2021). How Relevant Is Grit? The Importance of Social Capital in First-Generation College Students' Academic Success. *Journal of College Student Retention: Research, Theory & Practice*, 23(3), 539–559. <https://doi.org/10.1177/1521025119854688>
- Bessonova, M. O. (2023). The further education of young people through the prism of the development of a new social institution. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennyye nauki – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 4(853), 114–121.
- Bessudnov, A. R., & Malik, V. M. (2016). Socio-Economic and gender inequalities in educational trajectories upon completion of lower secondary education in Russia. *Voprosy Obrazovaniya – Education Issues Moscow*, 1, 135–167. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-1-135-167>
- Bondarenko, N. V., Gokhberg, L. M., Zorina, O. A., Kuznetsova, V. I., Kuzmicheva, L. B., Ozerova, O. K., Sautina, E. V., Sutyryna, T. A., Shkaleva, E. V., & Shugal, N. B. (2022). *Education indicators: 2022: statistical collection*. National Research University Higher School of Economics. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2598-2>
- Bukodi, E., Bourne, M., & Betthäuser, B. (2019). Cognitive Ability, Lifelong Learning, and Social Mobility in Britain: Do Further Qualifications Provide Second Chances for Bright People from Disadvantaged Backgrounds? *European Sociological Review*, 35(1), 49–64. <https://doi.org/10.1093/esr/jcy047>
- Cronin-Golomb, L. M., & Bauer, P. J. (2023). Self-motivated and directed learning across the lifespan. *Acta Psychologica*, 232(103816). <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2022.103816>

- Duckworth, A. L., Peterson, C., Matthews, M. D., & Kelly, D. R. (2007). Grit: perseverance and passion for long-term goals. *Journal of personality and social psychology*, 92(6), 1087–1101. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.92.6.1087>
- Gabdullina, E. N. (2012). Professional values and orientations of youth in the system of continuing education (based on the materials of sociological research of the energy industry of the Republic of Tatarstan). *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*, 4(4), 95–99.
- Heiskala, L., Erola, J., & Kilpi-Jakonen, E. (2021). Compensatory and multiplicative advantages: Social origin, school performance, and stratified higher education enrolment in Finland. *European Sociological Review*, 37(2), 171–185. <https://doi.org/10.1093/esr/jcaa046>
- Jordan, S. L., Ferris, G. R., Hochwarter, W. A., & Wright, T. A. (2019). Toward a Work Motivation Conceptualization of Grit in Organizations. *Group & Organization Management*, 44(2), 320–360. <https://doi.org/10.1177/1059601119834093>
- Kajonius, P. J., & Carlander, A. (2017). Who gets ahead in life? Personality traits and childhood background in economic success. *Journal of Economic Psychology*, 59, 164–170. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2017.03.004>
- Karmaeva, N. N. & Kosyakova, Yu. (2022). Perpetuating Inequality through Participation in Adult Learning and Education in Russia. *International Journal of Lifelong Education*, 41(4-5), 513–532.
- Kicherova, M. N., & Efimova, G. Z. (2020). The impact of non-formal education on human capital: a generational approach. *Integratsiya obrazovaniya – Integration of education*, 24(2(99)), 316–338.
- Kosyakova, Y., & Gerber, T. P. (2019). Adult Education, Stratification, and Regime Change: Upgrading and Sidestepping in Russia, 1965–2005. *Sociology of Education*, 92(2), 124–149. <https://doi.org/10.1177/0038040718823192>
- Kulich, N., Skopek, Y., Triventi, M., Demrikh, Y., & Blossfeld, Kh.-P. (2016). High Expectations? Lessons Learned from a Cross-National and Multidisciplinary Study on the Role of Childcare and Early Education in Social Inequality. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 19(5(88)), 15–38.
- Kwon, H. W. (2021). What Can Sociology Say About Grit? A Cross-Cultural Exploration of the Relationships between Socioeconomic Status, Sense of Control, and Grit. *Socius*, 7, 1–12. <https://doi.org/10.1177/23780231211005216>
- Lee, J., & Desjardins, R. (2019). Inequality in adult learning and education participation: The effects of social origins and social inequality. *International Journal of Lifelong Education*, 38(3), 339–359.
- Luo, J., Wang, M.-C., Ge, Y., Chen, W., & Xu, S. (2020). Longitudinal Invariance Analysis of the Short Grit Scale in Chinese Young Adults. *Frontiers of Psychology*, 11(466). <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00466>
- Maltseva, V. A., Salnikova, I. E., & Shabalin, A. I. (2022). Vocational School Instead of a University: What Brings Successful Eleventh Graders to Vocational Education? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and social Changes*, 3, 34–66. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2090>
- Narkhov, D. Y., Narkhova, E. N., & Shkurin, D. V. (2021). Dynamics of educational activity of students under the influence of digitalisation. *Obrazovaniye i nauka – Education and Science*, 23(8), 147–188. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-8-147-188>
- Popov, D. S., Tyumeneva, Yu. A., & Kuzmina, Yu. V. (2010). Individual psychological predictors in longitudinal studies of professional and educational careers. *Voprosy Obrazovaniya Educational Studies Moscow*, 4, 30–54. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2010-4-30-53>
- Sato, Y., & Ryan, Y. (2024). Career Preparation Through Part-Time Jobs? Study on Informal Learning of International Students of Professional Training Colleges in Japan. In Pilz, M. (Ed.), *Informal Learning in Vocational Education and Training* (pp. 165–180). Internationale Berufsbildungsforschung. Springer VS, Wiesbaden. https://doi.org/10.1007/978-3-658-44341-2_8
- Selezneva, A. V., & Popova, S. Yu. (2018). Social activity of youth: status, problems and prospects for development. *Obrazovanie Lichnosti – Personality Education*, 2, 96–103.
- Shkaratan, O. I., & Yastrebov, G. A. (2010). Sociocultural Continuity in the Russian Family (Experience of Empirical Research). *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*, 1, 5–27.

- Thwe, W. P., & Kálmán, A. (2024). Lifelong Learning in the Educational Setting: A Systematic Literature Review. *Asia-Pacific Education Research* 33, 407–417. <https://doi.org/10.1007/s40299-023-00738-w>
- Travkin, P., & Sharunina, A. (2016). The returns to training in Russia: A difference-in-differences analysis. *International Journal of Training and Development*, 20(4), 262–279. <https://doi.org/10.1111/ijtd.12088>
- Tyumeneva, Y., Kardanova, E., & Kuzmina, J. (2019). Grit: Two Related but Independent Constructs Instead of One. Evidence From Item Response Theory. *European Journal of Psychological Assessment*, 35(4), 469–478.
- UNESCO. (2012). *International Standard Classification of Education (ISCED-2011)*. UNESCO Institute for Statistics. <http://www.uis.unesco.org/Education/Documents/isced-2011-en.pdf>
- Weisskirch, R. S. (2016). Grit, Self-Esteem, Learning Strategies and Attitudes and Estimated and Achieved Course Grades among College Students. *Current Psychology*, 37, 21–27. <https://doi.org/10.1007/s12144-016-9485-4>
- Zhelyazkova-Teya, T. K. (2020). What do the indicators of informal education say about its role for adults in the new century? *Vyssheye obrazovaniye segodnya – Higher Education Today*, 8, 47–51.
- Zubok, Y. A., & Chuprov, V. I. (2017). Modern Sociology of Youth: Changing reality and theoretical approaches. *Rossiya reformiruyushchayasya – Russia is reforming*, 15, 12–48.